

Интервью с Ириной Андреевной ГРИГОРЬЕВОЙ

«В 1994 ГОДУ СЛУЧИЛСЯ “ПЕРВОТОЛЧОК”, ОПРЕДЕЛИВШИЙ ВСЮ МОЮ ПОСЛЕДУЮЩУЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ»

Григорьева И. А. — окончила философский факультет Ленинградского государственного университета (1973 г.), доктор социологических наук (2005 г.); профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии СПбГУ. Основные области научного интереса: теория социальной работы, социальная политика, управление социальным обслуживанием, социальная работа в муниципальном образовании, социальная защита пожилых в ситуации глобального старения. Интервью состоялось: сентябрь 2014 — февраль 2015 г.

Начало марта 2015 года, завершено 108 интервью, но процесс бесед с российскими социологами продолжается, хотя в центр данного историко-социологического проекта постепенно перемещаются вопросы анализа уже собранной биографической информации. Еще не пришло время для разработки целостной методологии, даже основных блоков будущей аналитической процедуры, но различные фрагменты изучения и описания сделанного за десятилетие просматриваются. Найдена и «площадка» для изложения предпрограммных положений исследования — это традиционные вкладки к интервью, которые я пишу при их публикации в журналах и размещении в Интернете. В моем понимании, в каждой вкладке есть point для будущего развития, размазывания. А сам толчок к появлению такой «фокусной» точки дает интервью: его содержание или собственно коммуникационный процесс.

Так произошло и в интервью с профессором социологии СПбГУ Ириной Андреевной Григорьевой, но прежде, чем сказать, о самом импульсе, остановлюсь на ряде общих моментов.

Обращаясь к электронному вахтенному журналу, в котором я стараюсь ежедневно фиксировать сделанное, я обратил внимание на запись от 18 марта 2007 года. Отмечалось, что была закончена заметка о Валерии Голофасте для «Чтений» его памяти в Петербурге. Как обычно, это текст был разослан друзьям-коллегам, и там же был процитирован отклик Андрея Алексеева на него:

Во-первых, Ты, наконец, решился впервые (повод достойный!) употребить свое заветное название — «История в биографиях и биографии в истории». И кратко изложил смысл всех четырех твоих взаимопересекающихся проектов (любого из которых хватило бы на годы жизни одного человека. <...> Во-вторых, эксклюзивный материал о Валерии — и фрагменты вашей переписки, и замечательное воспоминание К. Кузьминского, и уцелевшие стихи Валерия (действительно прекрасные!). <...>

И, наконец, в-третьих: особая интонация этого и некоторых других твоих текстов последнего времени, которая, похоже, дает начало небывалому жанру — лирической социологии. То, что именно Тебе суждено его создавать — не случайно, ввиду твоих занятий «биографиями в истории и историей в биографиях». Радуюсь.

Не удивительно, что за восемь лет, минувших после того мейла Алексеева, я забыл об этой оценке материала о Голофасте и о предложенном Алексеевым названии жанра заметки — «лирическая социология». Своей архивной находкой я поделился с Алексеевым. И он был удивлен: «Признаться, не помню, в связи с чем я впервые употребил выражение «лирическая социология» в твой адрес. Напомни, пожалуйста». Прочитав приведенный выше текст, он вспомнил: «Кажется я употреблял также термин «лирическая социология» или что-то подобное в преамбуле к твоим американским заметкам в «Телескопе»».

Действительно, несколько лет назад я опубликовал серию эссе о моей американской жизни, пытаюсь совместить в них факты и ощущение [1]. Комментируя эту коллекцию заметок, Алексеев писал: «...И опять новый жанр на страницах «Телескопа»! Жанр-кентавр, я бы определил его как лирико-социологический. Борис Докторов — математик «по происхождению», социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между «физикой» и «лирикой». Примечательно, однако, как он это делает. Прежде всего, это проза «настроения», а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния».

Отвлекаясь от частных деталей, скажу следующее: Алексеев обнаружил «лиричность» в двух видах моих социологических «продуктов»: в биографиях социологов и в анализе среды моей жизни. При этом он обозначил признаки, или природу, этой «лиричности»: свободный полет памяти и чувств на базе строгой фиксации обстоятельств места и времени событий. Биографическое эссе о Валерии Голофасте было одним из первых опытов работы в этом жанре, позже было сделано около десятка портретов социологов и, как мне кажется, концентрация лиричности в некоторых из них даже «гуще», чем в тексте о Голофасте. В начале 2014 года, через десять лет после публикации биографической статьи о Борисе Грушине, он еще был жив и в целом ее одобрил, я написал небольшую книгу о нем, в которой попытался интегрировать опыт изучения истории отечественной социологии и представления о том, как следует рассказывать не просто о профессионале, но о человеке, посвятившем жизнь своей работе [2].

Безусловно, мне приятно привести здесь два отзыва об этой работе друзей Грушина, знавших его многие годы. В предисловие к книге В. Ядов заметил: «Предлагаемая книга — это свидетельство гражданского мужества и следования профессиональному долгу Социолога». Теперь, из письма, написанного мне Б. Фирсовым: «Можно сказать, что в данном случае ты предлагаешь некий эталон жизнеописания социолога, ограниченный возможностями твоей информационной базы». Свое мнение о книге сформулировал и редактор-асс А. Черняков, не склонный к комплиментам: «Большое впечатление производят мощный социокультурный контекст, в который вписана эта фигура, и тщательно проработанное личностное измерение героя книги. В результате начинаешь Грушина не только «понимать», но и — что не менее важно — «чувствовать». Портрет явно получился».

Но, конечно же, особое значение в этом случае имеют слова Натальи Карцевой — вдовы и музы Грушина, присланные мне по завершению книги: «Дорогой Боря! Твою книгу можно посылать Церетели как заказ на памятник твоему тезке. Стоял бы он рядом с Петрушей и смотрел бы на окна своего бывшего дома. А если серьезно, то ничего из сказанного раньше добавить не могу. Замечательная книга, написанная с глубоким пониманием и времени, и героя, а главное того, чем он всю жизнь занимался и что в этой жизни сделал».

Так получилось, что в последние годы мне не удалось продолжить серию заметок о моей американской повседневности, но и эта линия лирико-социологических текстов не оборвалась. Изменился лишь жанр, размышления о жизни и окружающей меня среде стали частью активной личной переписки и автобиографических размышлений. Прежде всего имеется виду эссе «6000 дней другой жизни»; это повествование о первых 16 с лишним годах моего американского жизни» [3]. Я не думаю, что социологизм во всех этих материалах исчез, ведь и мои корреспонденты, и я сам — социологи, но понятно, что усилился их личностный аспект, а значит — и лиричность.

Но все же главный продукт декады изучения истории современной советской / российской социологии — это коллекция из более сотни интервью с моими коллегами разных поколений. Образовался огромный информационный массив, представляющий возможности для анализа жизненных траекторий, судеб создателей отечественной социологии и их последователей, а также — для трактовки истории нашей науки как процесса смены поколений. После всего сказанного выше резонно задуматься, а есть ли в них следы, присущие «лирической», в данном случае, это почти синоним слова «личностной», социологии? И если они есть, то как эти флюиды проникают в интервью и не противоречат ли это установке на научность исторического поиска.

В моем понимании, в проведенных интервью по определению не может не присутствовать «личностность», и проникает она в интервью в процессе моего общения с респондентами. Отказ от использования метода формализованного интервью (или анкетирования) автоматически сделал возможным лишь использование принципов, технологий неформализованного интервью, а значит — и поиска схемы общения, учитывающей мое понимание характера отношений с интервьюируемыми. Подчеркну, со временем я все более последовательно отказывался от использования слов «интервью» и «респондент» и переходил к — «беседа» и «собеседник». Соответственно, и себя я вижу в роли собеседника,

определяющего содержание разговора и стремящегося максимально учитывать интересы, возможности, особенности человека, согласившегося говорить со мною на весьма личную, интимную, часто очень трудную для него тему. То обстоятельство, что количество проведенных интервью весьма велико и состав группы моих собеседников разнороден, свидетельствует о том, что сложившийся метод опроса — достаточно эффективен и релевантен целям, ради которых он создан.

Еще предстоит начертить общую схему факторов, которые необходимо учитывать при выстраивании беседы, но в качестве, очевидных, обязательных можно сразу назвать: характер знакомства с респондентами до начала интервью (от многолетних дружественных до полного незнания), возраст (старшие, ровесники, более молодые), пол (как правило, беседы с мужчинами, которых ранее не знал, завязываются легче, чем с женщинами, с которыми не был знаком), близость исследовательских областей (проще общаться с коллегами, работающими в знакомых мне областях социологии, по-видимому, им — тоже), наличие общих знакомых, география жизни и работы моих собеседников, регулярность их ответов на мои вопросы и множество других объективных и субъективных моментов.

Я думаю, что если сгруппировать тексты всех интервью на несколько групп по степени априорной (до начала беседы) близости с респондентами, то можно будет постараться выявить различия в характере диалога с ними. Одно из таких различий — «на виду»; мое обращение к собеседнику на «ты» или «вы». Правда, и здесь не все однозначно. Известно, что процесс беседы нередко сближает ее участников, аналогичное происходит и в ходе нашего общения; бывает, оно начиналось с обращения на «вы», но затем эта форма сохраняется лишь в тексте интервью, в переписке за «пределами» интервью используется обращение «ты». Но я никогда не позволяю себе обращаться к молодым на «ты» с позиции старшего и более опытного в исследовательской практике.

Теперь о том, почему круг обозначенных выше вопросов составил тему вкладки к интервью с Ириной Григорьевой. Лично мы не знакомы, более того, до начала беседы я — скорее всего — вообще не читал работ Григорьевой. 20 сентября 2014 года мне представила ее в электронном письме Елена Ярская-Смирнова, рекомендация которой для меня — весьма весома. Кроме того она написала, что Григорьева — мама Саши Дмитриевой, в то время — Председателя Санкт-Петербургской ассоциации социологов; с нею я к тому моменту уже несколько лет переписывался и был лично знаком. Конечно же, оба этих обстоятельства настроили меня на интервью с Ириной Григорьевой, и я был весьма благодарен ей за ее согласие. Вскоре интервью оказалось лишь частью — конечно, доминирующей — нашего общения; но при этом подчеркну, сквозной темой переписки оставалась наша профессиональная деятельность.

Именно «наша», а не только Ирины Григорьевой. Я давно обратил внимание на то, что респондент, с которым мы не были знакомы до начала интервью, проявляет определенный интерес к моей биографии и к моим исследованиям. Я вижу в этом естественное стремление любого человека лучше знать собеседника, которого посвящаешь не только в свою текущую жизнь, но в собственное прошлое и в историю своей семьи. Человек, «раскрывающийся» передо мною, в моем представлении, вправе рассчитывать на взаимность, т.е. на мою открытость.

Так рождается еще одна линия «лиричности» моего метода интервьюирования. Очевидно, подобного не может быть не только в массовых интервью, проводимых при изучении общественного мнения, но и во многих собственно-биографических исследованиях. В опросах общественного мнения, поведение интервьюера обычно жестко регламентируется инструкциями, элиминирующими или минимизирующими проявление его индивидуальных и личностных свойств.

В биографических исследованиях представляется оправданным говорить о двух важнейших типах. Один — когда в функцию интервьюера входит лишь зачитывание вопросов и фиксация ответов на них, обычно это весьма формализованные вопросы, и интервьюер не обладает полномочиями изменить план беседы, даже если реакции опрашиваемого на них в высшей степени уникальны. Второй — когда в качестве интервьюера выступает сам исследователь, но он позиционирует себя (и обычно является таковым) в качестве «человека со стороны», не являющегося коллегой опрашиваемого. Примеры: политологи изучают жизнь и карьеру политиков высокого уровня или науковеды исследуют путь к своим высшим достижениям лауреатов Нобелевских и других престижных премий.

Базовой особенностью проводимых мною интервью является то, что это — разновидность общения между коллегами, и данное обстоятельство во многом предопределяет их личностность, или «лиричность». Что к этому добавляет информация, сообщаемая Ириной Григорьевой и резко персонифицирующая наш разговор? Она — на десять лет моложе меня, и это во многом сближает социальную среду нашего бытия. Хотя она родилась и до окончания школы жила в небольшом городке на Северном Кавказе, она рано стало знакомиться и полюбила Ленинград, его центр, который она воспринимала как «совершенно инопланетную жизнь», профессорская квартира ее дяди на Большой Конюшенной с мебелью и потолками как в Эрмитаже. И я все это в своей жизни видел и прекрасно помню. Еще ближе мне те люди, с которыми Ирина общалась в годы своего вхождения в ленинградскую социологию и с которыми она работает в последние годы. Один из моих вопросов начинается со слов: «Ирина, многое и многих, о чем и о ком Вы здесь сказали, я знал».

Наша беседа началась в конце сентября 2014 года и завершилась в начале марта 2015 года, т.е. продолжалась пять месяцев. Из-за командировок Ирины работа над интервью прерывалась, но обмен профессионально-житейской информацией продолжался. К примеру, в конце января этого года она писала: «...как поживаете, как погода зимой в Калифорнии? В Англии дождь, как всегда. Я немного подправила 1-ю часть, предбиографию, и дописала свои «хождения по работам» до 1979 г. Боюсь, получается не биография, а социальная этнография, слишком подробная. Ну что делать, если та же Конституция 1977 г. помнится мне через отражение, т.е. несколько лекций в обществе «Знание», про одну я написала».

Поскольку я всегда веду одновременно несколько интервью, а летом-осенью 2014 года их количество достигало полутора десятков, я стараюсь не торопить моих собеседников с ответами. Но при этом крайне редко задаю сразу более одного вопроса; в отдельных случаях это может ускорить работу, но такая прак-

тика нарушает логику, дух общения «лицом к лицу». Можно ли вообразить живую беседу, в которой один из собеседников говорит другому: «Сначала я спрошу тебя: “...?” а когда ты ответишь на этот вопрос, задам тебе другой вопрос: “...?”».

Мне представляется, что такая методология и технология биографического интервью в данном историко-социологическом проекте обеспечивает поддержку контакта между собеседниками и получение необходимой для исследования информации. Методология заключается в трактовке интервью как общения, а технология — обеспечивает комфортность беседы.

Заметка о Голофасте, упоминаемая в начале данного текста, была доработана и в начале 2008 года опубликована в «Телескопе» под названием «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [4]. Несколько месяцев ранее в том же журнале увидела свет моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [5]. Таким образом, получается, что установка на создание истории советской / российской социологии, в которой центральная роль принадлежала бы ее создателям, которая писалась бы многими и была многолюдной (это и означает «человеческое лицо» истории) в практике исследования реализуется в рамках так называемой личностной, или лирической, социологии.

1. Докторов Б.З. Правый поворот на красный свет светофора // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 6. С. 27–34. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1328194841245820file.pdf

2. Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>

3. Докторов Б. Шесть тысяч дней другой жизни // Социологический журнал. 2011. №2. С. 76–95. <http://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/1207/1165>.

4. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

5. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

Григорьева И. А.: «В 1994 году случился “первотолчок”, определивший всю мою последующую профессиональную жизнь»

Ирина, в последние годы меня все более интересуют предбиографии моих собеседников, оказывается, в них заложено многое, что потом самым неожиданным образом раскрывается. Что Вы знаете о своей родительской семье?

Родители жили в г. Прохладном, Кабардино-Балкарской АССР, т.е. на Северном Кавказе, «куда их судьба занесла» с 1945 г. и там же похоронены. Попали на Сев. Кавказ, потому что отца, Григорьева Андрея Александровича, туда направили как инженера-путейца, восстанавливать мост на магистрали Ростов на Дону – Баку. Не домой, в Ленинград – он по рождению из питерской разночинной интеллигенции (его самообозначение), а на Кавказ, потому что болел хроническим плевритом, на фронт попал летом 1942 г. со строительства Северо-Печорской железной дороги, а также потому, что женился на моей маме, Эмилии Исааковне Ротенберг, которую потом, при въезде в СССР выдали за репатриантку. Произошло это в Будапештской комендатуре, где отец служил помощником военного коменданта, а мама – кем-то вроде машинистки-переводчицы. Она была по матери мадьярка, по отцу – польская еврейка. В 1939 г. она случайно спаслась, едва ли не пешком добралась из Польши в Будапешт, к своей бабушке по матери и всю войну жила с чужим паспортом. Именно русский язык она тогда знала плохо, но зато польский и венгерский были родными, и немецкий в порядке. Потом в России она долго не работала из-за плохого русского письменного языка.

Думаю, в Ленинград родителей бы не пустили, а на 101 км ехать не было резона. Но это мои домыслы, отец этого не говорил. Вот с таким прекрасным трофеем и более ни с чем, отец демобилизовался и родители начали жизнь в Прохладном, сначала в бараках, потом построили саманный домик. Жизнь была очень скудной практически у всех, обязательно выращивали овощи и потом консервировали на зиму, держали кур и кроликов, в общем, вели почти натуральное хозяйство. Мама очень страдала от всего этого и кляла «дикую Россию», но быстро восстановила контакты с родственниками отца в Ленинграде и отводила душу в поездках туда. Родственники же удивлялись этому браку, тем более, что отец был на 12 лет старше мамы. Ездил мама и в Венгрию к своим родственникам, в 1956 г., незадолго до восстания, в 1958 и со мной в 1961 г. Хотя мне было 9 лет, остро помню необычность всего, что происходило тогда. Больше маму в Венгрию не пускали, под предлогом, что может остаться.

Родители не очень хорошо ладили, хотя оба были начитанными и вполне образованными людьми. Мама выросла в достатке и справляться с очень примитивно устроенной жизнью ей было трудно. Вода из колодца, уборная на дворе, еду готовить на плите или летом на керогазе – переносить все это у нее не хватало сил. Но и уехать тоже не решалась, ей казалось, что некуда. Потом, в 1958 г., она окончила курсы медсестер и стала работать в городской больнице, уже до пенсии. В больницу мама ездила на автобусе, помню наше детское ликование, когда автобус пустили и застроили двух этажными домами «железнодорожный

городок», примерно в 1957–58 г.г. А дальше город стал быстро застраиваться, появились художественная и музыкальная школы и в 60-е это уже был промышленный центр с несколькими предприятиями, второй в Кабардино-Балкарии после Нальчика. Возвращаясь к маме – в 1964 мы гостили в Ужгороде у ее дальней родственницы. К ней приехала еще родственница из Чехословакии в разговорах выяснилось, что в Чикаго жива-здоровая мамина родная тетя (по матери, т.е. по моей бабушке), которая уехала туда с семьей после войны. Все считали, что мама потерялась в России. В общем, это была бомба! Мама стала писать туда, тетя отвечала и даже посылала посылки с одеждой. Вот это было просто невероятно, поскольку любая одежда была на вес золота. Возможность одеться получше как-то очень приободрила, вернула ощущение того, что мы сейчас называем «качеством жизни». Потихоньку сначала провели водопровод на улицу и в дом, потом газовую магистраль. Жизнь стала намного удобнее, тогда ощущение хороших перемен было очень живым.

А я тем временем выросла, и после 8-го класса стала учиться в Нальчике в музыкальном училище и параллельно, в заочной средней школе. За жизнь встретила только одного человека, окончившего тоже даже не вечернюю, а заочную школу – Андрея Вейхера, вы его наверняка знаете. Располагалась школа (т.е. консультационный пункт) в здании общежития рабочих-строителей, в основном кабардинцев. Нужно отметить обязательно, что никогда и ничем они меня не задели и не обидели. Да и в целом Нальчик был тогда очень спокойным и каким-то благодушным городом. Был курорт Долинск, была филармония с концертами, куда мы ходили на второе отделение – после антракта без билетов, строился большой музыкальный театр, жизнь опять же становилась лучше.

Наверное, тут надо вернуться к моему отцу, но что-то я расспоминалась, наверное, много лишних, ненужных подробностей у меня получается. Вернуться, потому что родители всегда чувствовали себя чужаками в Прохладном и меня этим же заразили. И после двух прекрасных лет в Нальчике я получила аттестат школы, бросила музучилище и с разбегу поступила на философский факультет ЛГУ. У родителей, естественно, стала бывать только на каникулах.

Очень интересная, необычная история. Пожалуйста, вернитесь к рассказу об отце, меня заинтересовало то, что он был «из питерской разночинной интеллигенции». Как это понимать?

В предбиографии много пробелов...Однако осенью 2005 г. мы, оставшиеся родственники, уже и формально очень дальние, хоронили последнюю тетушку, двоюродную сестру отца Тамару А.Зернову, выяснилось, что я помню больше других. Видимо, потому что одна я родилась так далеко от Питера, и ценила осколки воспоминаний...

Дед Александр Григорьев (не знаю отчества и некого спросить) и бабушка, Анна Гавриловна, родом были из Романова-Борисоглебска, под Ярославлем. Там огромный старый храм на высоком берегу Волги, всегда оставался действующим, с невероятной чудотворной иконой Спасителя 15 в. Староверские традиционные места...

В начале 1890-х дедушка с бабушкой, поженившись, переехали в Питер и все их восемь детей родились уже там. Дед был энергичным человеком, работал в Картографической мастерской Генштаба литографом и еще имел собственное

фотоателее, где помогали сначала старшие и двое «нахлебников» (родственники из Борисоглебска – ровесники старшего сына Леонида). Сохранилось их фото втроем, 1915–16 гг., причем Леонид в мундире выпускника Лесотехнической академии. Знаю лишь, что он был гордостью семьи, и дед ему купил личное дворянство, так как имел награды от Государя императора и великих князей. Весной 1917 г., уже на службе, простудился и умер от воспаления легких.

Мой отец, Андрей Александрович, был седьмым ребенком, 1910 г.р., оказался младшим, восьмой, тоже сын, рано умер. Из раннего детства отца – вспоминал, что пел в хоре Козьмодемьяновской церкви, на ее месте станция метро Чернышевская, вокруг которой много лет жили и работали оставшиеся Григорьевы и Зерновы. Родился отец, когда еще жили на 11-й линии ВО, д.26 (?), а в 1912–13 г. переехали на Знаменскую, 47, угол Гродненского, где была большая квартира и фотомастерская деда. Адрес помню по старым фотографиям, хранившимся дома. Когда началась Первая мировая, народ пошел делать фото перед фронтом, дед процветал. Все старшие дети учились. Серафима и Лидия стали врачами, Александр играл в Александринском театре, потом был главрежем Пятигорской студии телевидения. Юрий – профессором Академии художеств. Лично знала только Лидию, она умерла в 1973, когда я заканчивала университет.

Возвращаясь в середину 1920-х. Бизнес деда накрылся (уже вторая волна) вместе с НЭПом, из квартиры выселили в одну, правда, большую, комнату на Миллионной, мастерскую отобрали. Отцу пришлось учиться в военно-строительном училище на Мойке, у Поцелуева моста, «на казенных харчах». Потом он работал на Балтфлоте и уже в 1938 г. уехал на строительство Северо-Печорской железной дороги. В его военном билете написано, что вольнонаемным инженером, а тетушки говорили, что это какая-то романтическая история. Боюсь, история очень обыкновенная, поскольку выбрался с Севера он летом 1942 г., прошел короткую военную подготовку в Туркестанском округе и был отправлен на фронт, в пехоту, старшим лейтенантом. Им и окончил войну в Будапеште, с тремя ранениями и контузиями. Но без наград. Рассказывать об этом совсем не любил, только когда собирались мужчины, пили, громко спорили, что-то доказывали друг другу, но я тогда была маленькая... Но помню, что материалы 20-го партсъезда хранились бережно вместе с изрядной стопкой фото Ленинграда начала 1920-х. Проспект 25-го Октября, площадь Урицкого и т.д. К моему ужасу, уже после смерти отца, мама все вместе выгребла и сожгла. Не понимала, почему я жалею это старье, для нее это все и было «дикой Россией».

С того времени, когда стала что-то понимать и помнить, знаю, что у отца были какие-то сложности с работой, был неуживчив, хотя все отмечали его образованность, не раз менял места работы, мама сердилась и т.д. Отец пережил всех (родных) братьев и сестер, умер в 1980 г., но так же, как все Григорьевы по мужской линии – за одно утро, от сердечного приступа.

А в первый раз в Ленинград я попала с отцом летом 1959 г., скоропостижно умер его брат Юрий и мы прилетели на похороны. Летели всю ночь на самолете Ил-14. Впечатление было совершенно инопланетной жизни, жалко было тетушку, но огромная «академическая» квартира дяди на Большой Конюшенной (тогда Желябова), с мебелью, как в Эрмитаже и такими же потолками, и Эрмитаж тоже, – все осталось каким-то общим аккордом. Жила я у двоюродной тети Тамары Зерновой, к которой с тех пор очень привязалась. Там было все попроще,

тетушек было аж три и многое, что я знаю, — из их рассказов... Вдову дяди переселили в однокомнатную квартиру на Б.Московской, дядины раритеты она постепенно распродала, поскольку никогда не работала, и жила на это. Умерла в 1986 г.

Как произошло, что девушка из городка Прохладное в Кабардино-Болгарии, окончившая лишь заочную школу, решила поступать на философский факультет? Откуда такое желание? Как Вам удалось с разбегу поступить? Чем Вы удивили экзаменаторов?

Ну, если сразу отказаться от, в общем-то, естественных, но слишком социологических, снижений, и перейти на личности, то не странно... Дело в уверенности родителей, что Прохладный — это случайность, вынужденность, а мне здесь не место. Они буквально выталкивали меня, хотя была поздним и единственным ребенком (поженились в 1945 г., я родилась осенью 1951, мама вспоминала, что «уже хотели корейчонка усыновить...»). В первый раз я побывала в Ленинграде летом 1959, скоропостижно умер старший брат отца Юрий, который в молодости для него был очень близким, и мы вдвоем полетели из Минеральных вод на похороны. Для меня, в семь лет, все смешалось, но ясно стало, что бывает совершенно другая жизнь. Профессорская квартира умершего дяди (он преподавал в Академии художеств) на ул. Желябова/Б. Конюшенной, с кучей всяких необыкновенных и красивых вещей, книг, в первую очередь, Эрмитаж, Невский, вообще весь центр, где тогда жили сестры отца — на ул. Восстания, на С-Щедрина. Не буду вдаваться в детали, потом повторились впечатления в Будапеште, где тетушка мамы была депутатом Парламента и жила рядом. Понятно было, что книги и учение — это мостик... Потом в Ленинграде была много раз, была в Ужгороде с мамой в 1964, случайно Рихтер ехал в Европу и дал концерт в местной филармонии — в общем, сияющий мир настоящей жизни. Я настолько заякорилась на этом, что и сейчас искренне не понимаю, как можно жить вне исторического центра, в каком-то новоделе, без культурного слоя.

Дома у родителей тоже были книги, причем частично старые. Сейчас я не понимаю, каким чудом они, возвращаясь в Союз, на Северный Кавказ, из Будапешта, не только выдали маму за репатриантку, но и прихватили с собой кое-какие книги. Был Петефи на венгерском и Мицкевич на польском, еще что-то экзотическое, особенно в условиях Прохладного. Сейчас, когда было много публикаций о том, что советские солдаты вели себя так же, как любые солдаты-победители, могу сказать точно, что не все так поступали. В доме не было буквально ничего не то, что лишнего, но и необходимого. Впервые я столкнулась с этим вопросом, когда было решено отдать меня в музыкальную школу. Сначала я ходила по очереди к знакомым девочкам поиграть. И вдруг оказалось, что у кого-то есть не просто пианино, а немецкое пианино. Родители на мой вопрос, а где такие продаются (все знали, что продаются только пианино «Кубань» и «Ростов-на-Дону», и обсуждали их сравнительные достоинства), как-то вдруг замялись и ничего внятного не сказали. Мне потом купили «Кубань» в кредит, а мама через много лет сказала, что, конечно, это были трофейные инструменты из Германии. Германия и немцы были «точкой препинания». Родители меня редко ругали и, тем более, наказывали, но вот был такой эпизод. После какой-то уличной беготни, типа игры в «казака-разбойника», я что-то рас-

сказывала, про «наших» и «немцев». До сих пор помню, как мне попало, причем дуэтом, что редко бывало. Существенную разницу между немцами и фашистами растолковали подробно. Военные рассказы родителей были очень контрастны к официозу, что очень смущало и беспокоило. Мама иногда иронизировала по поводу общекультурного уровня моих школьных учительниц, хотя мне полагалось учиться отлично, что получалось «через пень колоду» из-за полного отсутствия старательности. Читать было интереснее. У отца было несколько книг по садоводству, и сад был неплохой. Еще помню большой лимон в кадке и людей, которые приходили попросить лимон, если кто-то болел, лимоны считались целебными, а у отца всегда были плоды. Видимо, с лекарствами было тогда совсем плохо...

После 8-го класса не получилось уехать в Ленинград, я пыталась поступить в Школу при Консерватории, но был 1966 г., и девочка из Ташкента была первой. Ну, и не больно-то я музыкальная. Вернулась в Нальчик в музучилище, не в школу домой. Но мама настояла на школе параллельно, не подумав, что дает мне шанс. Музыку люблю, но учительницей фортепьяно мне не хотелось быть. А ей казалось, что хорошо, споры были серьезные. Ну, и получив в руки аттестат с серебряной медалью, которая нужна была только, чтобы сдавать один экзамен, т.е. историю, унеслась в Питер.

Собиралась поступать на искусствоведение на истфак, хотя понимала, что не хватает общекультурной эрудиции. Но там сразу заметили, что аттестат из заочной школы, а что девушка делала два года, почему заочная? Из училища я не отчислилась из-за мамы, но оправданий для приемной комиссии не нашла. После тяжелых размышлений и раскопок в справочнике «Вузы Ленинграда», обнаружился философский факультет, да еще в том же здании, что истфак и там историю, опять же, сдавать. Что же соврать, я не придумала, но документы принимал студент со второго курса (потом он стал генерал-лейтенантом и ректором Академии ФСБ), ведь мальчики на философском всегда были постарше. Наверное, зазевался или в тот момент еще не был профессионально готов. Документы приняли, экзамен был скоро, и было понимание, что или сдам, или пропаду после распределения где-то в ауле. И вот, отвечаю первый вопрос, подходит проф. Вяч. Иванов (не помню отчество, с диамата, как потом оказалось), и говорит: «Какие сильные в этом году абитуриенты, хорошо девушка отвечает!» А второй вопрос я совсем плохо знала, но умный экзаменатор решил не портить впечатление или был опытный человек, и сразу меня выпроводил с пятеркой.

Представляете, как я летала?! Счастью моему не было предела, а многочисленные тогда еще родственники отца были просто в возмущении и навсегда решили, что я выскочка. Тогда, в конце 1960-х был страшный лом на гуманитарные факультеты, конкурс на философский был из года в год 19–20 человек на место, люди ничуть меня не хуже поступали по 3–4 раза. Конечно, в тот момент я думала, что пойду на 3-м курсе на этику и эстетику. Но потом Костя Сергеев (увы, уже покойный, м.б., Вы были знакомы с ним?), который был нами весьма уважаем и уже аспирант, сказал, что «слишком умная, надо идти на логику». Сейчас мало что помню непосредственно из предикатов, силлогизмом и аксиом, в жизни понадобилось только дисциплина мышления, — это прививали, — но учиться было просто удивительно интересно, учитывая более, чем сухие, материи...

Но до этого, на первом курсе, была политэкономия капитализма в исполнении Виктора Леонидовича Шейниса, а потом история русской философии — Борис Михайлович Парамонов. Представляете, какая я везучая?!

И все же, какое направление философии Вы выбрали? По какой кафедре специализировались и по какой теме делали дипломное исследование?

Выбрала логику, тогда кафедра называлась «Логика и методология науки». Хотя заведовал кафедрой почтенный профессор Чупахин, но нам казалось, что, безусловно, главными были И. Н. Бродский и О.Ф.Серебряников. Думаю, мы не ошибались, но они оба рано ушли... Конечно, было много «модуса БАРБАРА» и т.п., но все равно было интересно все, даже теория множеств и абстрактная алгебра, которую читал препод с матмеха. Помню, что «алгебра — это кольцо над кольцом», но что это значит?... В целом картезианский стиль мышления преобладал, было принято точно формулировать и не утопать в квазимарксистском тумане. Естественно, нас учили аргументировать не отсылкой к классикам, а собственными, насколько были, мыслями. Блестящее знание текстов, вплоть до того, что и на какой странице «Материализма и эмпириокритицизма» написано, удивляло, но не восхищало. Но это и было прерогативой других кафедр, нас бог миловал, полгода Маркса и Энгельса на 4-м курсе (их-то можно было и попристальнее) и полгода Ленина на 5-м, уже названное сочинение. В параллель М. А. Киссель читал современную буржуазную философию, так что «Мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил» было нам не чуждо и в библиотеках его не прятали. А вот про А. А. Богданова я узнала более подробно только после универа, от М.И. Сетрова.

Возвращаюсь к логике. На 4-м курсе нашла в библиотеке книжку М. Бунге «Myth of Simplicity: Problems in Scientific Philosophy», 1963 г. У Бунге тогда была репутация едва ли не марксиста, поэтому его сравнительно новую (какие времена были!) книжку мне даже выдали на руки. Идея книжки мне очень понравилась, простота и красота, да еще и *Ossam's Razor* в придачу. Начав разбираться с этим, я и диплом написала по идее простоты, опираясь на Бунге. Но возникло досадное обстоятельство, И. Н. Бродский как-то не поверил в то, что я сама в этом копаюсь, и после 4-го курса «передал» меня гораздо менее харизматичному Б. И. Федорову. Это очень огорчило, но все же я прочитала каких-то статей на английском, на русском тема просто не была представлена, и защитилась «отлично».

Мне кажется, искренняя вовлеченность во что-то интересное помогла быстро проскочить всякие истматы, научные коммунизмы, сочинения Генсека и прочее. Каждый раз перед экзаменом я молилась, чтобы не вытащить билет с чем-то подобным и, представляете, везло! Забавно, но общественные науки мне тогда казались совсем неинтересными, даже психология. При этом «Социологию личности» читал И. С. Кон, а В. А. Ядов — курс по методике социологических исследований. Т.е. с точки зрения личностей, которые преподавали, которым давали преподавать, никакого застоя не было, вовсе даже наоборот, но это было недолго... Про социологию «на логике» подробно объясняли, что такая приверженность квази естественным методам — это позитивизм, методическая узость, заведомое приписывание схемы, которая в голове социолога, объекту

исследования. Получилось, что это не зацепило, а потом, конечно, жалела. Но еще не очень привлекало в опросных методах, что нужно с кем-то договариваться, общаться, казалось, что самое интересное — читать, сидеть в библиотеке.

Как буду преподавать с такими установками, не думала. Да еще получила «свободный диплом», т. е. диплом без распределения, который выдавали уже замужним девушкам, хот девушке был 21 год. И полгода потом не могла найти работу, ведь и членом КПСС не была и так и не стала. Идти куда-то на кафедру «кофеваркой», т.е. методистом, совсем не хотелось, а понимания, как адаптироваться в этой ситуации, не было никакого. В конце 1973 г. устроилась на работу младшим научным сотрудником в НТПО «Ленсистемотехника», разрабатывать теоретическую модель города. Но это уже другой этап жизни.

Довольно скоро оказалось, что успехи в самостоятельном мышлении, которое поощрялось такими преподами, как Шейнис, Парамонов или Бродский, мало что значат в повседневной жизни. А отличным знанием необходимых текстов я точно не блистала. Зато эти преподаватели сформировали культурный образец, определенное представление о символическом месте в социальной иерархии, очень высокое, как «Учитель» у Бергера и Лукмана. Собственно, в средневековой католической иерархии университеты и профессора тоже были высоко, и Виктор Леонидович и Борис Михайлович точно были оттуда. И не только из-за энциклопедичности знаний. Тематику Шейниса про современный капитализм не одобряли на экономфаке, у нас он был в «ссылке», и мы знали, что он поддержал публикацию «Одного дня Ивана Денисовича». Нас он держал строго в марксистском русле, меня обругал за попытку обосновать правоту Бем-Баверка и наличие такой проблемы, как меняющаяся полезность, что очень огорчило, я была довольно робкой, мало выступавшей студенткой на первых курсах. Но как-то очень убедительно это сделал, не обидно. А Парамонова сильно пригибали двое других специалистов по русской философии/социологии, вытесняли, по сути, с факультета, это было видно по содержательному уровню, лекции читал один из них, а семинары вел Парамонов. Мы их звали «Двуликий Янус». К своему ужасу, когда пришла в 1999 г. на факультет социологии, увидела, что историю русской социологии преподает один из них. И это после 20 лет, так сказать, Нового российского времени. Парамонов еще в 1970-е уехал в Голландию, потом еще куда-то, я его по «голосам» слушала, это теперь золотой обрез на его книжках.

Возвращаясь к месту профессора в мире, мне кажется, сам его определяешь, больше, чем в советское время, уж точно. Нынешняя зарплата никак меня в этом не колеблет, конечно, приходится отвлекаться на дополнительные либо лекции (давно с этим завязала), либо заявки на гранты. Это изматывающее занятие, отказы деморализуют, но в процессе подачи нарабатываются важные вещи, нужно только смотреть в позитиве, что не всегда легко. Ну, и потом, трудно, значит интересно. Правда, это работает, если есть желание жить интересно, а не преобладает желание стабильности.

В чем же заключалась Ваша деятельность? В те годы проблемами урбанизации в Ленинграде занимались весьма интересные люди: социологи, архитекторы, теоретики культуры...

Меня приняли на работу в научно-исследовательское отделение, которое резко выделялось на фоне большого проектного НТПО, занимавшегося разработкой не проблем урбанизации, а гораздо уже – АСУ «городское хозяйство» Ленинграда с разными подсистемами: АСУ «Транспорт», АСУ «Водоснабжение и канализация», АСУ «Планирование социально-экономического развития» и т.п. «асунизация». Все это были технари, каждый со своим главком-заказчиком. Только в АСУ «Планирование...» были экономисты, они с Плановой комиссией Ленгорисполкома работали. А в Ленинграде тогда, действительно, были крупные проектные организации, Ленниипроект, ЛенЗНИЭП, ЛенНИИПроект и т.д. В последнем работали архитекторы, проектировавшие города и систему расселения, например, в Западной Сибири, был и отдел исторической городской среды, которым заведовала известная в городе архитектор А. В. Махровская. Потом, в конце 1980-х, они заказывали мне социальное обоснование проекта пешеходной студенческой улицы, которую предполагалось разместить на ул. Егорова (для студентов трех вузов, расположенных рядом – ЛИСИ, Военмеха и «Тряпочки», т.е. Текстильного (Уни технологии и дизайна сейчас). Но из-за быстрых перемен проект ушел в стол. Все потеряла за эти годы, конечно...

Вот там, в ЛенНИИПе, концентрировались люди, посещавшие семинары в Союзе архитекторов, интересующиеся социологией, эстетикой среды и т.п. Отлично помню М. Борщевского, рассказывавшего о развитии Ленинграда на заседании молодежной секции Союза архитекторов. Они тогда втроем с О.И.Шкаратаном и проф. С.В.Успенским из ЛФЭИ написали первую социологическую книжку про планирование города. Но это было попозже.

А в конце 1973 – 1974 г.г. в НИО Ленсистемотехники работали самые разные специалисты. Кому-то пришла в голову светлая идея, что АСУ – это хорошо, но надо бы разобраться с системным видением городского хозяйства (ГХ) и даже города в целом. Город тогда сильно отличался от ГХ, поскольку его рост был обусловлен отраслевыми предприятиями, у них был лимит на приезжих и собственные производственные задания из министерств, и все вместе было совершенно разбалансировано. Т.е. сфера влияния 1-го секретаря горкома КПСС была существенно шире, чем Председателя горисполкома. Сама идея АСУ и была связана с тем, чтобы собрать и координировать управление.

Поэтому в НИО было много бывших военных, кандидатов военных наук, они считались главными управленцами. Но был и будущий профессор ЛФЭИ Л. Базилевич, и юристы, и экономкибернетики, выращенные И. М. Сыроежиным, вернувшимся из США, и даже социологи и психологи. Кого именно они опрашивали и о чем, не помню, как и не помню название отдела, где непосредственно работала. Как-то он был связан с теоретическим обоснованием городских исследований. Где-то на горизонте маячила «Городская динамика» Форрестера, а мне нужно было сочинить «теорию среднего уровня», как это назвал появившийся позже меня в НИО «гороδοшник» М. Н. Межевич (про Мертона я тогда и не слышала). Но у него был другой калибр, он работал в связке с Л. Базилевичем, мы же за ежедневным чаем заслушивались его речами.

Как правильная выпускница философского факультета, я умела только читать книжки, что и делала. Нужно отметить, что всем было не до меня, и никто не торопил. К началу осени я сочинила несколько страниц текста про язык науки, который включает четыре типа высказываний. Этот текст, по наущению

коллеги В. А. Ступина, филолога, в будущем профессора ЛФЭИ, послала на конференцию по машинному переводу в Челябинск. Это был не только первый раз в жизни, но и единственный, когда мою рукопись отрецензировали. Мне написал тоже какой-то профессор, что мои тезисы совсем не по профилю конференции, однако, несмотря на краткость, являются законченной научной разработкой оригинальной идеи, их надо непременно опубликовать. Я очень-очень возрадовалась и в течение нескольких лет эта страничка поддерживала веру в свои силы. Но тогда оставалось совсем немного времени до рождения сына Сережи.

Потом, через несколько лет, забыв полностью, что я была логиком, просматривала в Доме книги книжку известного методолога А. Ракитова, наверное «Философские проблемы науки», и наткнулась на очень похожие на мои, рассуждения о структуре языка и типах высказываний. Может быть, и вправду, в 1974 г. я сочинила нечто лучшее в своей жизни...

Еще весна-лето 1974 г. были отмечены семинарами М. И. Сетрова. Он только что защитил докторскую (утверждали ее несправедливо долго в ВАКе) и провел два или три (???) семинара по системному подходу, теории организации и т.д. Из людей, участвовавших в них, помню академика А. Л. Тахтаджана и контр-адмирала В. П. Боголепова из Москвы. Виктор Платонович, несмотря на солидные годы, сохранивший образцовую выправку, говорил, что приехал, только чтобы увидеть меня (!!!). Удивительно, что с этими замечательными людьми я могла разговаривать об управлении городом или еще о чем-то, и они еще вежливо слушали. Тогда же в кругу Сетрова появился Р. М. Айдинян, тогда совсем молодой, впоследствии — известный философ.

Когда в начале лета 1975 г. я вернулась на работу, то застала разные перемены. Исчез Герман Ушаков, экономист, штудировавший Маркса и писавший диссертацию. Впрочем, коллектив был молодой, о необходимости защищаться многие рассуждали. Однако Ушаков, оказывается, организовал кружок по изучению Маркса, но что-то пошло не так и его арестовали. Вменили не только неправильную трактовку Маркса, но и разглядывание порнооткрыток вместе с коллегами, которые потом на суде это подтвердили. Это было совершенно недостойным балаганом, а человека осудили на изрядный срок. Я с Ушаковым знакома была мало, но эти исторические повторения ужасали. В начале 1990-х видела его по ТВ.

Вскоре наш прекрасный, высокомотивированный коллектив разогнали, т. е. сократили. Абсурдность ситуации заключалась в том, что не сократили нескольких молодых женщин, беременных или с детьми до года (в их числе — меня), и пару пенсионеров-военных. Конечно, М. Н. Межевич ушел в только что открывшийся ИСЭП АН СССР, многие — в ЛФЭИ и т. д. Я скучно досидела до следующего лета и на год ушла работать в отдел НОТ «Электросилы».

Свои методологические штудии и теорию среднего уровня я быстро забыла, они оказались не очень нужными в новой профессиональной среде. Однако проектное структурирование задач, всякие вещи, типа «технического задания», «аван-проекта» и т.п. удачно легли на некогда читаных Пойа и Лакатоса. Восприятие жизненных ситуаций и задач с точки зрения «how to solve it» оказалось очень функциональным, прямо по Сетрову: «всякое свойство стремится стать функцией».

С лета 1976 по лето 1977 я работала в отделе НОТ НПО «Электросила». Одно из памятных впечатлений – запуск нового здания инженерно-бытового корпуса (ИБК), построенного сразу за метро «Электросила», мы ходили пару раз помогать в уборке, а потом туда переехали из старого здания «у моста». Это был настоящий памятник «социальным пакетам» «Электросилы». В цокольном этаже – поликлиника, дневной стационар, продуктовый магазин, стол заказов, столовая и т.п. Что-то было только для рабочих, но не для инженеров, но не помню, что именно. Сейчас это новое здание разобрано (на моей памяти это единственный случай, когда срок амортизации панельного строения соблюден!), а старое у моста реновировано и продолжает жить.

Другое впечатление – каскадный график начала работы цехов на основном производстве. Понятно, что станция метро «Электросила» была интенсивно загружена, но цеха начинали работать с 06:40 до 07:40, а ИБК – с 08:00. Поэтому особой давки в метро не было, что очень вспоминалось гораздо позже, в 1990–2000-е, когда город стал задыхаться в пробках, поскольку интервал начала работы/учебы сильно сузился.

В отделе НОТ ко мне необыкновенно тепло относились, особенно после случайного эпизода с политинформацией. Раз в месяц политинформаторов собирали в райкоме КПСС и образовывали, а я как беспартийная, была «дублером». Политинформатор заболел, я «образовалась» и сообщила публике об услышанном. То ли удачно говорила своими словами, то ли уклонилась от комментариев (тогда обсуждалась история акад. Сахарова и Боннер, а я сказала, что не понимаю, в чем дело), но после этого оказалось, что человек с сугубо гуманитарным образованием может быть на месте в коллективе инженеров.

Занималась я проектированием системы контроля управленческих решений, а потом системой хранения документов инженерных разработок. Оказывается, они, т.е. «кальки», быстро терялись и приходили в негодность, оцифровки же не было, а копировальный аппарат «Эра» их портил, т.е. пересушивал, они ломались, шкафов для вертикального хранения тоже не было и т. д. Число копий учитывалось, копирование было только с разрешения 1-го отдела. Абсурдность этой ситуации была особенно очевидна на фоне того, что «Электросила» была флагманом мирового энергомашиностроения, экспортировала продукцию в 78 или 87 стран.

Кстати, там было социологическое бюро, которое изучало условия труда рабочих и текучесть кадров. Помню, что у рабочих текучесть была чрезмерная, а у инженеров и в цехах, и в отделах, наоборот, недостаточная. Что-то, т. е. какие-то льготы, были связаны с возможностью стать «Ветераном Электросилы» через 15 лет работы, но что, не помню, кроме 10% прибавки к пенсии (общегосударственное требование для надбавки в 10% было 20 лет на одном рабочем месте. Ну, прямо крепостное право, но все удивлялись, когда я так говорила...). Текучестью, как мне казалось, тогда занимались все социологи на предприятиях. Хотя было уже понятно, что для большинства трудящихся условия труда играют первостепенную роль, определяющую трудовое поведение, а вовсе не содержание труда или монетарные стимулы. Желание получать (скорее, чем зарабатывать) связывалось с постепенными прибавками к зарплате, выскочек не любили. Из этой «нелиберальной» особенности мотивации потом, в конце 1980-х, возник недоуменный вопрос «Кто подлил воды в бензин перестройки?»

Проработав год, я вернулась в «Системотехнику», тоже в отдел НОТ (НИО уже не было в помине), решив, что организация труда в управленческих структурах города (в Ленгорисполкоме, а другие отделы работали с Плановой комиссией и другими главками) все же интереснее, чем на предприятии, хотя было жаль прощаться и с условиями труда, и с людьми. Следующие два года были довольно сложными в этом отношении, именно из-за людей, с которыми не очень хорошо удалось ладить. Но пойти в ИСЭП, хотя бы попробовать устроиться туда на работу, почему-то не хватало духу. Академия наук вызывала священный трепет.

Но в новом коллективе отношения не заладились. «Системотехника» стала нормальным НИИ, где было нужно до 8:30 пробежать через турникет, а потом можно было чай пить. В колхоз ездили с конца мая по октябрь, начинали с пикирования брюквы или кормовой свеклы, и заканчивая уборкой. А после начиналась овощебаза, бесконечная переборка овощей, которые гнили, сваленные в кучу, в сырых холодных помещениях с бетонным полом, от которого моментально застывали ноги. Это было ежегодное, бессмысленное повторение ритуала уничтожения собранного урожая, но считалось совершенно неприличным пытаться от него уклониться, как и от колхоза. Однажды в октябре, в изрядный дождь, я вместо колхоза поехала на работу. Оказалась в пустом отделе, а на следующий день была подвергнута остракизму. Были еще какие-то эпизоды непараллельных отношений, которым я не придавала значения, пока весной 1999 г. наш «климат в трудовом коллективе» не был пристально рассмотрен профессиональным психологом. Обнаружилось, что если работать со мной еще кто-то хочет, то уж отдыхать — точно нет. При этом формальный интеллект и независимость (по Кэттелу) оказались достаточно высоки. Начальство озадачилось и готово было сказать мне «до свидания», однако еще один психолог, уже «остепененный», сказал, что лучше повисить и перевести куда-то на более сложную работу. Удивительно, но так и произошло, меня перевели в только что открытый сектор Информационно-методической работы непосредственно в Ленгорисполком, где было, конечно, поживее. А с консультантом, который меня тогда спас от увольнения, вскоре познакомилась, им оказался Г. Е. Леевик, с которым сохранились добрые отношения, он в 1990-е открыл Центр дополнительного образования, вполне стабильно до сих пор работающий.

Системотехника того периода осталась в памяти еще из-за нескольких эпизодов. Из-за работы в обществе «Знание». Осенью 1977 г. я, наконец, осознала, что без членства в КПСС мне будет трудно вырваться куда-то еще. С вопросом, а можно ли вступить, обратилась неофициально к одному из членов парткома, он навел справки. Оказалось, что я еще идейно не созрела, но для дозревания нужно подхватить Молодежную комиссию районного общества «Знание» и в городской еще что-то делать. Это вовсе не было противно моей натуре, тем более, что давало дополнительный заработок. Темы были разные, довольно часто — про новую Конституцию, только что принятую. Вот про нее в декабре 1977 г. я рассказывали рабочим-путейцам в пересменок ночной и утренней смен, а появиться на участке пути нужно было в 7 ч. утра. Тьма, сырость, грязь и непонятно куда идти в такую рань, но каким-то чудом все же оказалась в нужном месте на задворках Балтийско-Варшавского вокзалов. Мрачные рабочие «держали марку» и полчаса меня вежливо слушали, за что я была очень признательна и, поэтому, немногословна.

Еще была «площадка», где нужно было что-то рассказать, на фабрике механического счета, которая была частью «Системотехники», но располагалась в здании церкви Иконы Владимирской божьей матери у метро Владимирская. Причем помещение, где стояли счетные машины и сидели люди, было очень-очень высоко, с земли сейчас не верится, что оно весьма просторное. Когда я сейчас об этом упоминаю, никто не верит, но ведь большинство церковных зданий использовалось под склады и проч., действовало на весь город только пять храмов.

Следующий эпизод — поездка в городок Светогорск, в часе езды от Выборга, все его теперь знают по выпускаемой бумаге. Государственная граница — сразу за пятиэтажками. А в местном клубе сначала лекция полковника-пограничника, потом — моя, «о семье, браке, любви». Пограничник рассказывал о бдительности, но еще и о том, что у советских женщин есть оригинальный способ поездок в Финляндию на заработки, в багаже автомобиля, будучи закатанными в ковер. В перерыве трое уполномоченных слушательницами дам пришли ко мне с просьбой не говорить ничего «про это». Сказать, что я была изумлена, мало, ведь тема была социологическая, а все только что, не дрогнув, выслушали рассказ о способах продажи тела. О том, что в Ленинграде есть как торговля валютой, так и проституция, я знала, конечно, но рассказ пограничника тогда восприняла, скорее, как оригинальную практику, «уловку» для адаптации к повседневности «общества дефицита». «Мы — советский народ» как-то плохо складывалось из всего этого...

Думаю, что изучение таких адаптационных уловок было бы отличным предметом и поводом для того, чтобы социальная работа, которой я занимаюсь уже более двадцати лет, стала законной и интересной частью современной социологии, ведь именно в социальной работе виднее всего противостояние и переплетение стратегий государства и практик социальных служб, а также множества разных людей, очень искусных в этих «объездах». Об этом давно писал В.Воронков, что не надо оплакивать бедных, а надо изучать, как они выстраивают жизнь, часто весьма виртуозно. Но как социология застряла в абстрактном структурировании, так и социальная работа все больше заражает людей «выученной беспомощностью» и способствует разрастанию социального дна. Причем это уже осознается некоторыми рефлектирующими персонажами. Ведь и Т. Парсонс с «ролью больного», и медицина, как помогающая профессия, которая необходима в 10–20% случаев, позволяют осознать, что поддерживать здоровье в разных отношениях и выгоднее государству, и полезнее каждому человеку. Однако социальная работа уже стала веберовским институтом, который, стремясь к расширению, сам не может сменить парадигму деятельности. А сейчас уже поздно людям, развращенным социальной помощью, пусть и небольшой, но предоставляемой без всяких условий, предлагать микрокредиты, семейный бизнес и т.д. Теперь это «вода в бензине» социально-экономического развития еще через 25 лет.

Еще важный эпизод был связан с обучением на факультете переподготовки в ЛФЭИ (Сейчас Экономический университет), в 1978–79 гг. по направлению «Социально-экономическое планирование городов», где тогда был блестящий состав профессоров, экономисты Муравьев и С. В. Успенский, и, конечно, особенно для меня важный, О. И. Шкаратан. Там было очень много всего интересного по территориальному планированию и необходимости уходить от отрасле-

вого развития. И это были те самые Успенский и Шкаратан, которые написали первую социологическую книжку по городу. Моя выпускная работа была о вариантах распределения обязанностей между городскими властями (зампредами Ленгорисполкома), т.е. по оргпроектированию, исходя из идеализированной модели их взаимосвязей. Методическое обоснование вызвало просто изумление, защита была «на ура», а четыре профессора кафедры Управления народным хозяйством написали прошение в Ленсистемотехнику с просьбой направить меня в аспирантуру (тогда без направления или целевого места было нельзя, а сейчас конкурс падает, желающих все меньше). Кончилось это грандиозным скандалом из-за моих, якобы неумеренных, амбиций. Никакого направления, естественно, не дали.

Вот это все и привело, к счастью, к моему перебазированию непосредственно в сектор информационно-методической работы при оргинструкторском отделе Ленгорисполкома.

Ирина, многое и многих, о чем и о ком Вы здесь сказали, я знал. А на фабрике механического счета, которая располагалась в здании церкви у метро Владимирская, на той допотопной счетно-перфорационной технике мы в начале 70-х обрабатывали «страшно секретные» материалы первых опросов общественного мнения в Ленинграде.

Теперь, пожалуйста, расскажите о Вашей аспирантуре, работе над диссертацией и о ее защите.

Было очень обидно, что с возможностью аспирантуры под руководством О. И. Шкаратана приходится расстаться. Утешало немного, что это была бы экономическая степень, как-то не мое. Да и вскоре Овсей Ирмович, чрезвычайно хваливший меня, уехал навсегда в Москву.

К осени 1981 г. возникла возможность дополнительного места в заочную аспирантуру философского факультета. Я в то время активно участвовала в работе городской молодежной комиссии общества «Знание», поэтому была хорошо знакома с ее председателем, Владимиром Тимофеевичем Лисовским. И проблемы молодежи были вполне знакомы. Все вместе сложилось в решение поступать на кафедру истмата, чтобы писать о молодежи в городе. Сразу возникло ощущение, что факультет совсем другой, чем в начале 70-х, очень острое. Достаточно отметить, что на студентов на 1-й курс принимали с рекомендацией райкома КПСС. Когда дело дошло до утверждения темы, начались сложности. На кафедре в это время каждый второй аспирант писал о соотношении производительных сил и производственных отношений. Если о молодежи, то о политической культуре. А моя тема была «Социализация молодежи в условиях современного города», что казалось почти несурзацей. Тогда социализацию относили к социально-психологическим понятиям, а «Конструирование» Бергера и Лукмана еще не было переведено и опереться было не на что. «Город» вместо производительных сил был вообще ниоткуда. Но я упиралась и тему утвердили. Тогда в первый раз услышала, что «тема должна быть по нашему департаменту». Вот удивительно, наука растет «на границах» или между, говорили все, а писать надо внутри департамента, и это сохранилось и даже умножилось к сегодняшнему дню.

Работать было очень интересно, часто общалась с Константином Семеновичем Пигровым, теперешним заведующим кафедрой социальной философии. Он неизменно подшучивал над моим понятийным языком, испорченным управленческими занятиями, и мы совместно пытались прояснить, какую же роль в процессе социализации играет или может играть городская среда. Не помню, откуда пришла моя идея непрерывной социализации, возникающей в городе, наверное, сразу и Зиммель, и Ленин с «перманентной революцией» так трансформировались. Но это не понравилось В.Т.Лисовскому, он считал, что наступает взрослость и социализация заканчивается с приобретением социальных статусов. Еще каким-то чудом мне в руки попали «ротапринтные» книжки авторов из Таллинского педуниверситета, которые первые в СССР стали заниматься «человеком в среде».

Из этого получился весной 1984 г. первый вариант диссертации, хотелось защититься поскорее. Ведь никакого хождения в библиотеку работа в Исполкоме не предполагала, только вечером или в выходные, поэтому мой сын учился в Пушкине с понедельника по субботу, а на выходные я его забирала.

У меня в 1984 г. вышла брошюра в издательстве общества «Знание», на которую обратили внимание многие. С ней тоже была проблема, поскольку тогда в большой официальной моде были авторы-«деревенщики», а я «воспевала» городскую культуру. Процесс водворения автора «в оглобли», как выразилась редактор, занял практически год, но что делать, цензура существовала. Зато к защите было семь публикаций, и не тезисов или депонированных в ИНИОН, а более солидных.

Но в тот момент текст диссертации жестко разругал Лисовский, назвал заумным, придуманным и т. д. На фоне наших хороших личных отношений было очень обидно, поскольку мне, наоборот, казалось, что многие работы о молодежи слишком «одномерные», объектные. Не понимая, куда плыть, я надолго исчезла из общения. Очнулась после телефонного звонка К. С. Пигрова, без обиняков обвинившего в малодушии, и села переписывать работу. Осенью 1984 г. вдруг подвернулась конференция в Новосибирске, где к тому же жила и работала в филиале ВИПК Энерго моя старая, еще по ЛФЭИ, подруга. Она меня познакомила со своим завкафом, Виктором Андреевичем Заргаровым, тогда известным методологом, тоже философской выделки, который прочел мой автореферат. Заргаров потратил два часа времени на то, чтобы объяснить, из-за чего меня плохо понимают философы и что нужно изложить материал в логике субъект-объектного взаимодействия, структурирования и структуриации, если использовать язык известного теперь Гидденса. Эта наводка оказалась для меня принципиальной, стало понятно, как все связано и должно быть развернуто. Весной 1985 г. я прошла предзащиту и как плановая аспирантка (4-й год срока еще не закончился) сразу была поставлена на защиту в июне. Я понимала, что текст не нравится В. Т., но уже была уверенность и в своей идее, и в законченности текста. На кафедре тоже сказали, что работа скорее социологическая по стилю и степени конкретности, но «это не снижает...», используя стандартную формулировку заключений. Оппонентами были назначены С. Н. Иконникова и А. В. Баранов, как специалист по социально-экономическим проблемам города, толстую

книжку которого¹ я тоже, конечно, читала. Еще по просьбе Альберта Васильевича я в начале 80-х сделала или вырастила «дерево целей» социально-экономического развития Ленинграда для какой-то большой выставки по перспективам развития города, которой он методически руководил. Кто меня рекомендовал, уже не помню, а я «тряхнула стариной», так сказать. Получился очень большой плакат, но в одном экземпляре. Когда выставку закрыли, он куда-то делся, что было ужасно обидно. Ну, подарить всегда приятнее, чем стащить, ведь можно придумать что-нибудь еще...

Был июнь 1985 и последний Диссовет в учебном году, я оказалась третьей... В 1-й половине дня случился трагикомический эпизод с получением отзыва ведущей организации в Корабелке на Ленинском проспекте (в Морском университете). Правда, все знали, что проф. Майзель отдает отзыв в последний день, но дает деньги на такси. Это было не лишним, поскольку еще печать надо было поставить на Лоцманской, где был ректорат, а шел проливной дождь. Но все успели, даже посидеть под дверью до начала «моей очереди».

До сих пор помню, как Баранов хвалил за использование малотиражных изданий, а Иконникова сказала такую фразу «Никогда не думала, что о молодежи можно написать нечто такое, где никогда не ступала нога Лисовского, и не отметилась рука Иконниковой». Ну, поскольку они оба были, несомненно, ведущими авторами по теме, то это прозвучало! После голосования с «сухим» счетом до меня дошло, что Лисовский искренне волновался, все же мы были очень разные.

Казалось, вот-вот начнется новая жизнь, ведь и в стране она тоже начиналась... Но пока пришлось вернуться в Ленгорисполком к старым занятиям. Вдруг возникло предложение перейти туда в штат, и начальство было удивлено отказом. А в мае 1986 родилась дочь Саша, и новая жизнь действительно, началась.

Если иметь в виду Вашу научную работу, то в чем эта новая жизнь проявилась?

Новая жизнь началась ранней весной 1988 г., когда, после долгих колебаний директора, меня все же взяли «штатным почасовиком» в Ленфилиал того самого ВИПК Энерго, и посодействовал этому В. А. Заргаров из Новосибирска. Заргаров готовил кадровый резерв министра энергетики и чаще бывал в Москве, а не Новосибирске. И через директора ВИПК Энерго Х. И. Бекова произошло давление на директора Ленфилиала (это был отчетливо гендерный эпизод, до меня в этой институции женщины были только методистами). Вскоре возникла новая кафедра социально-экономических дисциплин, меня взяли в штат, а затем пришли А. В. Вейхер и Г. Е. Леевик, стало интересно. Однако моя беспартийность опять вызвала вопросы у райкома, как выразился завкаф. В сентябре 1989 меня отправили учиться на две недели социально-психологическому тренингу в Гуманитарном центре на канале Грибоедова, у Нины Хрящевой с психфака

¹ Баранов А. В. Социально-демографические проблемы крупного города. Статистика и финансы. М. 1981.

Так совпало, что А. В. Баранов умер в январе 2015 г., за несколько дней до того, как я написала этот фрагмент интервью. В память о нем добавлю несколько слов. Он был весьма независимый человек и ученый, что было крайне редко в советское время, когда корпоративность носила принудительный характер. Даже в последние годы это было заметно. Например, он написал небольшую статью «О некоторых факторах популяционного кризиса» в СОЦИС, 2000, №7, где доказывал, что «дети — богатство бедных» и увеличение денежных выплат на детей ведет к расширению социального дна. Тогда это была совсем непопулярная мысль, хотя она хорошо согласуется с результатами существующих практик всех социальных государств, с одной стороны и высоким уровнем рождаемости в бедных странах, с другой.

СПбГУ. И после этот я почти три года вела тренинговые группы в институте, от секретарей до директоров региональных диспетчерских управлений, которые считались «белой косточкой», поскольку «нас меньше, чем союзных министров», как они мне сообщили...

А в начале лета 1992 нашу кафедру целиком сократили, но очень быстро меня подхватили в Сев.—Зап. кадровом центре (СЗКЦ) при Правительстве РФ, поскольку директором его стал Беков, перешел из ВИПК Энерго. Тут был некоторый выбор, на какую кафедру идти, «Управление персоналом» или на «Социальную работу». Последней должен был заведовать П.Б.Шелищ, с которым была «шапочно» знакома, а управление городскими социальными программами казалось интересной возможностью профессионального развития. Сначала было очевидно, что все складывается «с нуля», учебные программы для обучения социальному управлению нужно было написать, а специальность только что открыли. К тому же не у всех был опыт преподавания в вузе. Когда все более-менее утряслось, оказалось, что СЗКЦ является конкурентом аналогичному городскому вузу, открытому А. А. Собчаком. СЗКЦ переселили из Таврического дворца в здание рядом, аудиторий не хватало. Потом был октябрь 1993 г., казалось, с демократизацией покончено, но многие посчитали, что у Б. Н. Ельцина не было другого выбора. Зато у нас появились студенты — бывшие депутаты Петросовета, которым после разгона дали возможность получить 2-е высшее образование. Помню свою дискуссию с А. А. Щелкановым, бывшим председателем Легорисполкома, депутатом и очень известным своей абсолютной честностью, человеком и политиком. Речь шла о том, как определить российское общество, Щелканову казалось, что оно посттоталитарное, а я настаивала на неототалитарном.

После выборов в 1-ю Госдуму П. Б. Шелищ стал депутатом, а я, несколько неожиданно, зав. кафедрой. С наукой, т.е. социологическим обоснованием социальной работы, было совсем плохо. Кафедра была пестрая по профессиональной принадлежности, а время не способствовало сосредоточенным научным занятиям. Довольно долго я пыталась понять, в какие теоретические рамки социальную работу можно поместить. Помог Петр Борисович, забежал проездом на кафедру по возвращению из Дании, там ему дали ксерокопию статьи П. Абрахамсона о «треугольнике Welfare State (благосостояния)», а он отдал ее мне. Так в 1994 г. случился «первотолчок», определивший всю мою последующую профессиональную жизнь.

В статье Абрахамсона вместо «треугольника» предлагалась модель «ромба» и была основательная критика тогда еще относительно новой, а сейчас громко известной книги Г. Эспин-Андерсена «Три мира Welfare economics» (1990). Конечно, чтобы понять все это, мне понадобилось довольно много времени, ведь никакой теоретической базы, серьезных работ по социальной политике у нас в России практически не было, доступа к англоязычным публикациям еще тоже. Что-то появилось в ходе дискуссии в 1991 г. о выборе оптимальной для России модели, оттенков было мало, либо «шведский социализм», либо «американский либерализм». Никто не задумывался о бэкграунде каждой из моделей, обсуждали, сколько это будет стоить для государства. Не помню ни слова, чтобы дискуссия была привязана к строению налоговой системы или возможностям для самозанятости и семейного бизнеса, для населения.

Много абсурда было и на практике, уже зимой 1991–1992 гг. стало очевидно, что население стремительно беднеет. К лету была организована «адресная помощь» населению и в некоторых регионах она охватила до 60% населения. Потом началось «отрезвление», не столько из-за очевидно безадресной и дорогой системы, сколько потому, что региональные бюджеты стали таять, предприятия закрываться, а задержки заработной платы росли. Обсуждение принципов адресования помощи было серьезной первой задачей и для законодателей, и для теоретиков, тогда все регионы действовали самостоятельно, но никто не додумался до контрактных отношений или каких-то действий, обязывающих получателя. Не было и необходимых связей между социальной защитой и службами занятости, видимо, сказывался «жалостливый православный гуманизм», но критическое отношение к нему появилось позже.

На всю эту переменяющуюся реальность было довольно трудно наложить теоретическую рамку, а между тем, Россия вовсе не была каким-то уж ни с чем не сравнимым казусом. Конечно, политические резоны и необходимость какой-то последовательной социальной политики очевидным образом не совпадали. Разумных объяснений, как можно действовать населению, ни СМИ, ни социальные службы не предлагали, а бесконечное обсуждение ошибок правительства переключало внимание людей с необходимости собственной адаптации на макропроблемы. Помню изумление аудитории госслужащих в Твери, получавших второе высшее образование, когда я попыталась объяснить, что населению нужно развивать взаимопомощь и самопомощь, а чиновники это должны поддерживать организационно. Из многочисленных дискуссий с теми, кто получал второе высшее, уже на госслужбе, конечно, становилось многое понятно. В конце-концов, получилась книжка «Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах», где было изложено довольно тщательно проработанное на англоязычных источниках представление о социальной политике, одно из первых в уже российской социологии, вышедшая в 1998 г.

Еще в самом конце 1995 г. случилось неприятное событие, которое, однако, переосмыслилось в позитиве... Мы с уже упоминавшимся Г. Е. Леевиком ехали в его Образовательный центр и наехали на столб, ясным днем и в твердом уме... Пострадали его «Москвич» и моя голова. Под расписку с ЧМТ и клятвами строго соблюдать постельный режим, не двигаться, не читать и не смотреть ТВ, меня отпустили домой, ждать три недели, в рубашке я родилась или нет. Трудно описать ужас от мысли, что я ничего не умею, вполне книжная барышня, а что же буду делать... Помню, что слушала музыку мрачно-лирического Н. Кейва, поскольку музыку «доктор прописал», а потом стала читать понемногу две книжки, ждавшие своего часа. Это были П. Монсон и «Новые направления социологической теории». Стало понятно, что я сильно отстала в современной социологической теории, но было здорово читать, думать, догонять.

Процесс возвращения к нормальной жизни занял три месяца, в больнице пришлось все же полежать, но уже в конце января-феврале, в дневном стационаре. Это был новый формат лечения, когда лежали, в полном смысле слова, только обездвиженные больные. Но лечение было интенсивным, а чаевые — очень скромными! Лекарства для инъекций, конечно, уже нужно было приносить с собой. Когда я, наконец, вернулась на работу, вместо кафедры, которую уже объединили с психологией, мне предложили управление по работе с регионами,

что было очень кстати и для заработка, и для понимания того, как течет жизнь вдали от столиц, поскольку в филиалы СЗАГС нужно было регулярно ездить. Как преподаватель я продолжала работать в русле теории социальной работы и социальной политики.

Ира, это был «крутой» период нашей истории, начало 90-х. Куда потом пошла траектория Вашей жизни?

Итак, как я уже отметила выше, в 1998 г. получилась книжка «Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах», где, кроме всего прочего, было предложение вместо «треугольника благосостояния» собственного «ромба» (потом такую конструкцию называли «brilliant of Welfare», т.е. к государству, экономике и гражданскому обществу я прибавила человека, как мне казалось, способного быть и субъектом, и объектом социальной политики. Это тот «угол», который, очевидно, очень разный и имеет разные мотивы и ресурсы адаптации в разных культурах. Книжка была издана на средства образовательного гранта для обучения специалистов по работе с детьми-инвалидами, который я получила из Министерства соцзащиты, а сдавать отчетные документы надо было в Институт соцработы в Москве. Директором этого института была дама, весьма известная не столько в науке, сколько в образовании по социальной работе.

Из этого вышла серьезная коллизия в моей жизни, когда я уже стала докторантом факультета социологии СПбГУ (1999) и работала в СЗАГС по совместительству, для заработка, поскольку стипендия докторанта была смешной. Зимой 2000–2001 г. мне показали книжку «Социальная политика», написанную тем самым директором Института соцработы, где несколько раз цитировалась моя книжка. Но кроме цитирования, там был кусок на 40 страниц, позаимствованный «без комментариев». Я была в полной растерянности... Было件нятно, что в диссертации нужно поменять курс или отстаивать авторские права, юридически на это были основания, я проконсультировалась у юриста. Довольно долго я шла к мысли, что, если известный автор у меня стащил ключевой кусок текста, я не должна сильно огорчаться, видимо, текст неплох. Но вместе с появившимися требованиями о публикациях в журналах из списка ВАК, это тормознуло надолго. Сейчас удивляюсь своей нерешительности и наивности... Тем более, что было несколько выступлений на зарубежных конференциях хорошего уровня, где мои выступления, несмотря на плохой разговорный английский, вызывали интерес и вопросы, из которых следовало, что материал не банальный.

Позитивные толчки на этот раз были как со стороны моего консультанта, завкафа профессора В. Н. Келасьева, так и со стороны Елены Ярской-Смирновой, с которой мы познакомились еще в 1990-е на УМО по соцработе. Сначала, в конце зимы 2005 г. Елена появилась у нас на факультете как оппонент докторской И.Албеговой и «попутно» укорила меня за медлительность. Приободрившись, я весной прошла предзащиту. Потом Елена позвала прочитать какие-то лекции летом, они вместе с, увы, рано ушедшим от нас Павлом Романовым, проводили замечательные Летние школы под Саратовом, на Волге. Научно-методический уровень этих школ был выше всяких похвал².

² Последний проект Центра социальной политики и гендерных исследований (ЦСПиГИ) «Критический анализ социальной политики на постсоветском пространстве: идеологии, акторы и культуры», 2010–2013, охватил множество молодых исследователей и преподавателей и был самым масштабным из подобных в России. Власти решили в 2013 г. объявить ЦСПиГИ иностранным агентом, что есть очевидная и полная чушь, очень вредная в научном и человеческом смысле.

Павлу я тоже обязана осознанием социологической идентичности, которое случилось задолго до 2005 г. На какой-то конференции я сказала, что никак не могу понять, чем я занимаюсь, существует ли такое направление социологии (видимо, это было и до начала издания «Журнала исследований социальной политики», поскольку у меня была в №1 статья, до сих пор наиболее цитируемая). Зная, что Павел не раз стажировался в Англии и США, я, естественно, ценила его мнение. Это называется «сравнительная социальная политика», Social Policy Study, сказал он, отлично, что Вы этим занимаетесь, для нас это новая область. Такая поддержка была очень важна, поскольку в основном мне говорили, что в социальной политике нет никаких интересных проблем, все понятно и нечем заниматься.

Летом 2005 г. Елена порекомендовала мою статью о политике в отношении пожилых в журнал «Мир России». Статью сначала жестко раскритиковала Т. Ю. Сидорина за «жалостливое отношение», преобладавшее над социологическим анализом. Это тоже было существенно в моем окончательном превращении из «теоретизирующего Айболита» в заинтересованного исследователя. В результате в 2006 г. в «Мире России» появилось даже две мои статьи! Вообще лето 2005 г., между предзащитой и защитой в ноябре 2005 г., оказалось очень плодотворным. Я написала пять статей в очень рейтинговые, как сейчас говорят, ВАК-журналы, все они были приняты, но вышли в 2006 г., уже после защиты. Тогда еще текст диссертации не вывешивался на сайте Диссертационного совета задолго до защиты, и можно было поработать с замечаниями и вообще, с инсайтом, который обязательно возникает «на волне позитива» после принятия работы к защите. Мой опыт подготовки докторской очень богат всякой конструктивной критикой со стороны коллег, которые рецензировали и оппонировали диссертацию. Так, на Методологическом семинаре факультета В. Я. Ельмеев обратил внимание, что в теории социальной политики, акцентируя необходимость межсекторных взаимодействий, совсем не обращают внимание на «цену взаимодействий», на неоинституциональный подход к взаимодействиям. Я очень признательна своим коллегам В. Н. Ярской, В. Н. Мининой, Л. Т. Волчковой, И. Л. Первой, П. П. Дерюгину, опять же, Е. Р. Ярской-Смирновой и, конечно, председателю Диссовета Н. Г. Скворцову и секретарю Н. В. Соколову.

Грустно, что сейчас, вместо этой творческой радости университетская среда настойчиво культивирует «модель для сборки» — цитирование в определенных базах, планирование публикаций и т. д. Это дисциплинирует, но похоже на конвейер вроде бы ушедшей индустриальной эпохи, который еще год от года набирает обороты...

С момента защиты докторской прошло уже 10 лет, мгновенно и очень долго. Мои аспиранты писали диссертации на самые разные темы, но, как правило, успешно и незаурядно, мне везло и везет с интересными аспирантами! Это и реформирование пенсионной системы, и риски для здоровья, и социализация молодых инвалидов, и активизация пожилых и дети в городской среде. Кратко или подробно, но каждая из этих тем или проблем когда-то меня занимала. Очевидно потому, что социальная политика — область исследований сама по себе необъятная, особенно если исходить из того, что ее актором является не только государство.

Жаль только, что сравнительные исследования социальной политики/ социального государства у нас так и не стали социологическим трендом, занимаются ими, на мой взгляд, мало исследователей. Сужу по тому, что из огромного количества западной литературы цитируется до сих пор только старая книжка Эспин-Андерсена про «Три мира капитализма благосостояния», даже в монографиях, на титуле которых стоят слова «социальная политика». Между тем, с 1990 года мир сильно изменился и подход к теоретизированию необходимо должен меняться. Ну, и доступность западных публикаций почти мгновенная, читать — не перечитать...

Параллельно или внутри социальной политики я с 2003 г. стала заниматься проблемами пожилых. Это были два небольших гранта, один — коммуны Копенгагена, другой — пилотный проект в рамках Федеральной программы «Старшее поколение». Меня поразило, что пожилые женщины, которых мы опрашивали, жаловались не на низкую пенсию («мы привыкли», ответили они на мой прямой вопрос!), а на социальную заброшенность, на невнимание окружающих и потерю статуса после ухода на пенсию. Это сразу навело на мысль о том, что низкий пенсионный возраст может быть благом только в обществе, где преобладает тяжелый физический труд, а сейчас он становится проблемой и для экономики, где не хватает квалифицированных работников, и для людей, которые остро чувствуют стигму «старости». Продолжая сотрудничать с НГО «Дом проектов» и его руководителем Светланой Чернышевой, я потихоньку собирала материал о пожилых. В 2009 г. Светлана получила проект от Совета министров северных стран (СМСС) на совсем свежую тогда тему обучения пожилых работе на компьютере или, более широко, информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Фишкой было то, что нужно было сравнить пожилых пяти стран — участников проекта, снова поехать в Копенгаген и, в первый раз за постсоветское время, в Каунас и Вильнюс. На этом проекте я познакомилась с А. В. Чугуновым и Ф. А. Казиным, которые ушли из «большого» университета в СПб УИТМО и как-то так получилось, что возник тренд в сторону УИТМО.

В УИТМО был большой проект «Интернет-Университет 3-го возраста» и желание заниматься проблемами взаимодействия пожилых и ИКТ и дальше. Так возникла заявка весной 2014 в РФФИ, о чудо, мы получили грант на три года на изучение эффектов инклюзии, связанных с взаимодействиями пожилых и ИКТ. Так я стала «новым социологом», руководителем группы, которая изучает спонтанные материалы социальных сетей, форумов, блогов и других ресурсов, где пользователи могут оставлять свои комментарии о старении, пенсионной реформе, здоровье пожилых, отношениях с детьми и т.д. Плюс к этому у нас есть блок традиционного опроса и интервью с экспертами и пожилыми. В общем, масштабная работа, в которой постоянно присутствует поддержка Центра э-правительства, молодых социологов Л. Видясовой и А.Б. Иккулова и, конечно, А. Чугунова. Тема пожилых и старения становится почти такой же неисчерпаемой, как социальная политика и ее современные трансформации.

Заканчивая рассказ о своих «витках», добавлю, что, как ни странно, наверное, я состоялась как социолог и как профессионал. Именно потому, что границы современной социологии расширяются, и есть шанс «не умереть от перегорода», как сказал когда-то Валлерстайн. Конечно, хотелось бы, чтобы столь интересное для изучения российское общество все же стало чуть менее «взба-

ламученным», более устойчивым и менее опасным для публичных политиков и социологов, чем сегодня. Ну, и для наших детей тоже, я ими не похвасталась, но и сын, и дочь — замечательные, умные и порядочные люди. И я надеюсь, что жизнь в России образуется...

Спасибо большое, Ирина.